

**ТЕХНОКРАТИЧЕСКОЕ И ГУМАНИТАРНОЕ:
ПОИСК НОВОЙ ПАРАДИГМЫ МЫШЛЕНИЯ
В ПУБЛИЦИСТИКЕ С. П. ЗАЛЫГИНА**

В статье рассматриваются представления С. Залыгина о взаимоотношениях науки, техники, природы, общества и человека, выраженные в публицистике 1960–1980-х гг.; критика писателем научной рациональности (нео)позитивистского типа, как парадигмы мышления эпохи научно-технической революции. В анализе реконструируется методологическая и нормативно-ценностная программа С. Залыгина: выработка нового идеала научности, сочетающего в себе естественнонаучный и гуманитарный идеалы познания; возвращение понимания природы как сложного экологического организма.

Ключевые слова: С. Залыгин, публицистика, проблематика, наука и техника.

К проблеме взаимоотношений науки, техники, природы, общества и человека С. Залыгин обращается в конце 1950-х – начале 1960-х гг., что связано с обстоятельствами социального, биографического и мировоззренческого характера. Вера в безграничные возможности науки и на ее основе преобразования жизни (освоение мирного атома, полет человека в космос и т. д.) – социальная реальность времени и общественного сознания. С другой стороны, зарождающееся природоохранное движение ставит проблему экологических отношений. С. Залыгину вливается в него, выступая против проекта строительства Нижне-Обской ГЭС: «Леса, земли, воды» (1962), «Леса, земли, воды и ведомство», «Дело народное, а не ведомственное» (1963). Участие в строительстве новосибирского Академгородка «изнутри» приобщает С. Залыгина как ученого к активизировавшейся во время оттепели саморефлексии научного сообщества (падение «лысенковщины», настроения социального оптимизма и восприятие науки как сферы реализации творческого потенциала личности и общества).

С 1960-х гг. проблема техники решается им, во-первых, в экологической публицистике, направленной на борьбу с природо-преобразовательными проектами советского

государства [Каминский, 2009]: «Вода и земля Земли» (1968), «Вода подвижная, вода неподвижная» (1984), «Проект: научная обоснованность и ответственность», «Водное хозяйство без стоимости... воды» (1985), «Поворот. Уроки одной дискуссии», «Разумный союз с природой», «А что же дальше? Кому нужен и кому не нужен поворот» (1987) и т. д. Во-вторых, в эссе по вопросам литературы и искусства: «От науки – к литературе» (1961), «Искусству много дела на земле. Текущие заметки» (1963), «О художественном языке и художественном образе», «Интервью у самого себя» (1969), «НТР и литература. Размышления и догадки» (1973), «Литература и природа» (1980), «Интеллект и литература» (1986) и т. д. Позиция С. Залыгина противоречивая. На протяжении 1960–1980-х гг. она содержит позитивистскую убежденность в возможностях науки познать и улучшить жизнь. С другой стороны, включает размышления о деструктивном потенциале техногенной цивилизации, с которым возникает «...реальная перспектива уничтожить природу и погибнуть вместе с ней» [Залыгин, 1987б. С. 70].

Научно-техническая революция представляет для С. Залыгина «эмблему нашей современности» [Там же. С. 67] и трактует-

ся традиционно для отечественной экологической мысли как пограничная стадия в развитии цивилизации, несущая глобальные угрозы и требующая от человека нового самоопределения, коррекции своей позиции в мире.

Развитие науки и технологий ко второй половине XX в. меняет «саму природу труда» [Залыгин, 1987б. С. 128], что означает коренную трансформацию парадигмы существования в социуме и онтологии, взятых в глобальной исторической перспективе; наука и техника определяют устройство жизни. С. Залыгин считает, что естественная эволюция завершена: «Количество техники, научных открытий, коммуникаций, информации, интересов, устремлений, количество самих людей достигло таких величин, когда все это не может существовать в прежнем качестве, прежних условиях. И дело, следовательно, уже не в эволюции, а в спонтанном развитии» [Там же. С. 68]. В результате окончательной эмансипации человека от природы развитие приобретает «спонтанный», т. е. самопроизвольный характер, техноценозы эволюционируют по своим внутренним законам, независимо от человеческой воли и природных закономерностей. Динамика научно-технического прогресса развивается экспоненциально («...вторжение будущего в настоящее» [Там же]), и этот процесс необратим: «Революции закрытию не подлежат, тем более глобальные. <...> Помимо того, что прогресс нам нужен безусловно, мы нужны ему тоже, и если бы мы захотели повернуть вспять и отказаться от него, мы не в силах были бы это сделать» [Там же. С. 69]. Человечество достигает точки бифуркации – рубежа, предела развития при прежних подходах, когда существование становится неустойчивым и неопределенным, что предполагает два возможных сценария: неразрешимые проблемы в ситуации нерегулируемого развития прогресса или осмысленное, упорядоченное существование.

От констатирующих суждений С. Залыгин уже в 1960-е гг. переходит к концептуальной критике научной рациональности (нео)позитивистского типа как парадигмы мышления эпохи научно-технической революции и вырабатывает альтернативный методологический проект, который, с одной стороны, восходит к традиции русского космизма (В. И. Вернадский, К. Э. Циолков-

ский, Н. Ф. Федоров), с другой стороны, вплотную приближается к идеям западноевропейской философии (Э. Кассирер, Ю. Хабермас и т. д.).

В публицистике писателя выделяется два проблемных ракурса. Во-первых, недостаточность современной научной рациональности в познании мира. Во-вторых, разрыв между практикой и формами рефлексии порождаемого ею технократического дискурса. Эти два плана разворачиваются в рефлексии С. Залыгина о взаимоотношениях науки и литературы как двух форм семиотического освоения жизни.

С. Залыгин вскрывает ограниченность картины мира, выстраиваемой методами современной науки. Современная наука как форма мышления и деятельности воплощает механистический аналитизм, расчленяющий реальность на составляющие: «Общий и неделимый организм природы мы поделили между великим множеством отраслей. Их так много, что теперь уже никто не может их сосчитать и обозначить» [Залыгин, 1987а. С. 67]. Универсализация математической рациональности сводит полноту и разнообразие природы, объекта науки, до абстрактных законов. Природа, для С. Залыгина, высшая разумная организованность, сложным образом упорядоченная, уравновешенная динамическая система, в которую генетически включен человек. Как объект познания она требует целостного взгляда, который бы учитывал все реально существующие в ней взаимосвязи, структурные переходы, детерминизм.

Современная научная рациональность не только дифференцирует полноту реальности по разобщенным предметам, но и редуцирует ее до узко прагматического аспекта, проявляет «извне деформирующее» (Ю. Хабермас) отношение к миру. Непосредственная цель науки (познание действительности средствами разума) замещается установкой на манипуляцию природой. Утилитарная научно-техническая рациональность подменяет собой разум. Разум же, для С. Залыгина, начало, заложенное в человеке природой, инвариантное, в этом значении, разумной организации (упорядоченности) онтологии. Отрываясь от природы, относясь к ней как к объекту производства, человек лишается возможности ее нефрагментарного познания, синтеза.

Такой тип рациональности в эпоху научно-технической революции преодолевает институциональные рамки и экстраполирует

ется на все возможные сферы отношений, систему культуры в целом. С. Залыгин исходит из ограничения мировосприятия современного общества узкоспециальными, научно-техническими аспектами (в соответствии с общественным разделением деятельности). Диверсификация социальных практик, их обособление, специализация языка приводит к тому, что семантическое поле социокультурной коммуникации становится дискретным. Новое состояние жизни, таким образом, определяет закон отчуждения – отчуждение различных сфер практики, дифференцированных по специальным отраслям (специальностям), как следствие – отчуждение людей друг от друга: «Каждая из <...> узких специальностей непонятна и является табу для других, в каждой замечается стремление к автономии, к созданию своих собственных понятий, своего собственного языка, а все это приводит к отчуждению друг от друга людей даже в семье: жена не представляет себе, чем занят муж, отец – чем заняты его дети» [Залыгин, 1987б. С. 128].

В процессе специализации наука (как и другие социокультурные практики, в том числе литература, испытывающие тенденции технической рациональности) оказывается замкнутой в себе. Самодостаточность не подразумевает рефлексии научных и технологических результатов, а изолированность от общества исключает внешний контроль, оценку, социальную экспертизу: «...наука начинает работать как бы на самое себя, она открывает новые законы, теории, эффекты, постулаты, зависимости, парадоксы, но не создает к ним отношения, не вырабатывает их оценок, не размышляет над последствиями своих собственных открытий» [Там же. С. 69].

Альтернативный тип рациональности представляет литература. Гносеологическую природу литературы определяет ее предмет – «эмпирический мир», непосредственная, первичная – дотеоретическая реальность, данная через органы чувств. Реальность понимается как динамическая система постоянного становления и изменения, всестороннее теоретическое обобщение которой средствами науки (систематизация, формализация) невозможно – фрагментарная, дискретная научная картина мира нивелирует междисциплинарные связи и отношения, реальность всегда оказывается шире

и богаче теоретических моделей в науке: «...ученые не говорят о том, о чем сказать не умеют, и это их незнание всегда будет больше, чем их знание. Мир эмпирический, неопознанный, “неузаконенный” в формулах, всегда будет больше опознанного» [Там же. С. 42–43].

Познание в литературе отличает синтезм, который достигается при помощи художественного образа. В художественном образе создается целостная, семиотически завершенная модель реальности, обеспечивающая универсальность видения, преодолевающая фрагментарность восприятия, свойственную науке. Образ, отражая частное в бытии, выражает систему отношений этого частного, возведенных до всеобщего: «Образ художественного произведения – это ведь не только он сам, а всегда он и его отношение к чему-то. <...> В конце концов, это он и жизнь, он и его отношение к жизни» [Там же. С. 26]. Через отношения человека и общества литература выходит к исследованию всей полноты реальности, приближается к пониманию всеобщих закономерностей (отношений) бытия: «...для него (писателя. – П. К.) очень важно и понимание, и глубокое ощущение того, как отношение человека к самому себе становится отношением этого человека к миру. <...> А отношение человека к другим людям – опять-таки только часть целого, т. е. часть его отношения ко всему окружающему миру, часть, которая это целое отражает» [Там же. С. 43].

На основании этих представлений формируется методологический проект С. Залыгина. Ограниченность, специализированная узость научно-технической рациональности и картины мира преодолевается путем сближения, согласования с искусством (гуманитарным дискурсом): «...контакты между искусством и наукой, идеалом которых является, вероятно, Древняя Греция» [Там же. С. 69]. Научная рациональность заимствует у литературы ценностное, рефлексивное начало; антропологический модус универсализирует знание. Человек, как ценность и как предмет представления, ставится в центр научно-технической картины мира, когнитивные и технологические акты оказываются нагруженными нравственным суждением: «И если мысли о людях – которые столь ярко выражал в XX веке, скажем, Экзюпери, а в XIX веке, например, Достоев-

ский – ничему не научат науки, тогда им можно предсказать плохой конец» [Залыгин, 1987б. С. 19].

В результате возникает «этика производственных отношений» и «культура взаимодействия с природой» – этос науки (техники), ответственность за продолжение жизни, основанная на осознании глубинной связи человека с природой: «И если в своем неудержимо-бурном развитии наука превратила в нашем сознании землю в почвоведение и геологию, воздух в метеорологию, а воды в гидрологию, то теперь она же обязана снова сблизить нас с природой в ее нераздельно-целостном состоянии, должна научить нас называть вещи своими собственными именами и, если на то пошло, создать новое, современное и социально и научно обоснованное язычество, т. е. создать союз человека с природой» [Залыгин, 1987а. С. 62]. В культурфилософском плане это означает создание открытой иерархии равноправных форм познания и деятельности. Согласно утверждению писателя, этика должна стать наукой «...столь же обязательной, как математика или геология. Этика должна быть связана со всеми нами и покоиться на своей безусловной необходимости» [Там же. С. 59].

Сближение, преодоление замкнутости форм мышления и дискурсов, дискретности семиотического поля культуры достигается в социокоммуникации, пространстве согласования смыслов. Способ коммуникативного взаимодействия науки и общества обозначается как «популяризация». «Популяризация», по С. Залыгину, содержит потенциал методологической рефлексии характера и границ научно-технической деятельности, так как предполагает сторонний, отчужденный от предмета взгляд, преодоление методологической ангажированности, (само)экспертизу: «...наука должна <...> оставаться главным популяризатором и комментатором своих собственных идей, так как в «переводе» всегда могут обнаружиться крупные и даже неисправимые ошибки. <...> Наука должна учиться быть доступной пониманию, по крайней мере, большинства людей, если уж не всех без исключения...» [Залыгин, 1987б. С. 69]. Но, с точки зрения писателя, возможностей одной науки недостаточно, «...наука говорит <...> своим собственным, специальным, а не общедоступным языком, так что кто-то

должен взять на себя обязанности переводчика» [Там же].

Функцию «переводчика», посредника между обществом и научно-техническим прогрессом, должна взять на себя литература. С начала 1960-х гг. подчеркивается задача искусства в познании (самопознании) науки: «Все дело в том, что до сих пор и дифференциал, и интеграл, и тем более кибернетическая машина были принадлежностью «высшего» и специального, т. е. не всеобщего, образования. <...> Почему бы <...> поэтам и не воспеть кибернетику и интеграл?» [Там же. С. 43]. Специфика образного познания в литературе обеспечивает независимый и целостный взгляд на научно-технический прогресс, благодаря чему достигается возможность нравственной коррекции научно-технической рациональности: «И вот здесь-то, кажется, и определяется специфическая и едва ли не главная роль литературы: осуществлять преемственность настоящего с прошлым, вписывая человека в природу, в его духовный опыт, не позволяя науке вообразить, что она – сегодняшняя – всесильна и способна вычертить новую и совершенно самостоятельную кривую» [Там же. С. 76]. Делая науку предметом художественного познания, литература реализует свою миссию как метаязыка культуры.

В этом значении литература способствует самоопределению человека в бытии, этическому осмыслению его нового статуса, средств и возможностей. Человек, осознавая себя неотъемлемой частью природы, должен восстановить естественные отношения с ней: «Ощущение того факта, что человек и окружающая его природа суть одни и те же химические элементы, что он и она – это единый процесс существования нигде и ни в чем не повторимый, что “быть или не быть?” – вопрос, который нынче в равной мере относится и к нам, и к ней, – ощущение и понимание всего этого только и может этот вопрос решать» [Залыгин, 1987а. С. 62]. Писатель апеллирует к идее В. И. Вернадского о ноосфере и разворачивает эту концепцию в ходе собственных размышлений: «Природа, сама земля и все человечество создали и вскормили человека, и человек имеет определенные обязанности по отношению к этому миру. Именно к этому, а не к какому-то другому. Обязанности не только в нравственном понимании, но и в чисто

практическом – в правилах и законах своего существования, если не ставится целью это существование прекратить раз и навсегда...» [Залыгин, 1987б. С. 22].

В очерке 1973 г. «НТР и литература» выделяются три уровня (стадии) осмысления обществом проблем техники: эмпирический (интуитивно-чувственный), теоретический (рациональный), праксиологический. С. Залыгин считает, что человек находится еще только на первом этапе – эмпирически ощущает новое состояние жизни, осваивает его интуитивно, но не может пока постигнуть при помощи разума, выразить в умозаключении: «Сначала мы как бы даже не умом, а только зрением схватываем этот символ – НТР, затем воспринимаем его эмоционально... <...> и только после пытаемся осмыслить и понять, что же за этим обозначением действительно скрывается... <...> И вот тут-то, пытаясь достигнуть определенной конкретности своих представлений, столь для нас существенных, мы попадаем в очень затруднительное положение: наше сознание оказывается неподготовленным к такой работе, то и дело начинает казаться, что ты вообще не способен к ней» [Там же. С. 67]. Неготовность человека объясняется, во-первых, беспрецедентным характером современных изменений образа существования, во-вторых, отсутствием необходимой для этого временной дистанции. В-третьих, диспропорцией, неравномерностью развития цивилизации – разная динамика научно-технического прогресса и духовного развития цивилизации обуславливает несоответствие достижений науки и техники уровню психологического, нравственного и социального развития: «Открытия физики как бы опережают свой век, к использованию этих открытий человечество далеко не всегда подготовлено психологически, нравственно и в плане социальном, этот разрыв создает угрозу самому существованию рода человечества» [Залыгин, 1987б. С. 19–20]. Человек испытывает недостаток этического самосознания и исторического сознания (ограничение времени существования сегодняшним днем), «...продолжает нередко пренебрегать своим опытом и своей мудростью» [Там же. С. 41]. Формирование целостного знания (самосознания) общества, интеллектуальное отражение объективной реальности научно-технического прогресса имеет характер импе-

ратива, составляя основу для практической коррекции способов существования, выработки ценностных критериев оценки деятельности, планирования и прогнозирования будущего («...практическая необходимость сегодняшней организации завтрашнего дня...» [Там же. С. 68]).

К 1980-м гг., в ходе общественной деятельности С. Залыгина, борьбы с проектом перераспределения стока северных и сибирских рек в южные районы страны, складываются представления о роли общественности (гражданских институтов) в формировании нового, «ноосферного» мировоззрения. С точки зрения С. Залыгина, именно общественность, как высшая форма социальной интеграции, оказывается способной сформировать универсальный, целостный взгляд на реальность: «Значение и настоятельная необходимость в общественном мнении определяются нынче <...> необходимостью видеть действительность такой, какая она есть, без ведомственного лоска и без ведомственной узости, наконец, видеть ее, действительность, не по отдельным частям, а в целом» [Залыгин, 1987а. С. 23]. Общественное мнение формирует систему мировоззрения общества – взгляды на все уровни организации бытия – природного и социального, выполняя, таким образом, функцию не только познания внешней среды существования общества, но и его самопознания: «И только общество общими усилиями может создать более или менее целостную картину и самого себя, и окружающей его природы, и мира, и своей страны. Его прямое назначение – воспринимать жизнь в возможно широком, всестороннем плане. И каждую проблему тоже» [Там же. С. 24]. Формами такого самопознания называются литература и публицистика.

Итак, уяснение негативных, деструктивных аспектов техногенной цивилизации в экологической публицистике С. Залыгина составляет основание для критики научно-инженерной картины мира (технократического дискурса). Писатель утверждает необходимость восстановления единства понятия разума, суженного до когнитивно-инструментального значения. При этом положения о кризисе научной рациональности (Э. Гуссерль) не выводятся, натуралистический объективизм современной науки не подвергается сомнению. Можно говорить о том, что, не отрицая современную парадиг-

му естественнонаучного мышления как таковую, С. Залыгин формирует его аксиологический, нормативно-ценностный проект.

В исследовании внутренних закономерностей (структур) культуры (науки, литературы, языка) выражается методологическая программа: выработка нового «идеала научности», сочетающего в себе естественнонаучный и гуманитарный «идеалы познания» (В. М. Розин). Для этого необходима ревизия отношений, преодоление грани между технократическим дискурсом и гуманитарно-социальным дискурсом, определение подбавляющего места науки в системе иных видов, способов познания, составляющих культуру. Объединение онтологий их предметов создаст своего рода метаонтологию – возвращение к пониманию природы, не только механистически (как физической реальности), но как сложного экологического организма, в который встроен организм социальный («...природа – это не только то, что написано на языке математики и реализуется в инженерии, <...> нет природы самой по себе, вне нашего к ней отношения и деятельности...» [Розин, 2000. С. 237]). В размышлениях о гносеологических возможностях литературы в универсализации знания С. Залыгин близок идеям «Философии символических форм» Э. Кассирера: синтетическое начало культуры, конституирующей мир, возвышающей феноменологическое до всеобщего в символическом акте [Кассирер, 2002]. Кардинальный сдвиг в сторону социогуманитарной парадигмы обеспечит «закон техногуманитарного баланса» (А. П. Назаретян).

Условием осмысленной регуляции эволюции техноценозов является принцип «опережающей рефлексии» (М. Рац). Рассуждая о коммуникативных механизмах осознания (самосознания) науки и техники в обществе, С. Залыгин выходит к отдельным

идеям концепции «коммуникативной рациональности» Ю. Хабермаса: общественность, как социальный субъект, ориентированный на рациональное обсуждение, проблематизацию, обоснование значимых проблем, в ходе публичной рефлексии создает intersubjectively значимые нормы [Хабермас, 2000]. Гражданское общество и литература, трактуемая в публицистике писателя как форма самосознания коллективного целого (социума), содержат возможности конституирования техники, формируют, как альтернативу проекта овладения природой, социальный проект сохранения жизни на Земле, минимизации и предотвращения негативных последствий техногенной цивилизации, проект контролируемого, осмысленного развития человечества.

Список литературы

Каминский П. П. Человек, природа, общество в публицистике С. Залыгина второй половины 1980-х гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2009. № 1 (5). С. 91–103.

Кассирер Э. Философия символических форм. В 3 т. М.; СПб.: Университетская книга, 2002.

Розин В. М. Типы и дискурсы научного мышления. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 248 с.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 376 с.

Список источников

Залыгин С. П. Поворот. М.: Мысль, 1987а.

Залыгин С. П. Критика, публицистика. М.: Современник, 1987б.

Материал поступил в редколлегию 10.03.2011

P. P. Kaminskiy

TECHNOCRATIC AND HUMANITARIAN: SEARCH OF A NEW THINKING PARADIGM IN THE ESSAYS OF SERGEY ZALYGIN

This paper considers the notions about relations between science and technologies, nature, society and man expressed in S. Zalygin's essays of 1960–1980; considers the criticism by the writer of scientific rationality, positivistic in its approach, as the thinking paradigm of the scientific and technological revolution epoch. In the analysis the methodological and valuable program of S. Zalygin is reconstructed: development of the new scientific ideal which would combine natural science and humanitarian ideals of cognition; returning to understanding nature as complex ecological organism.

Keywords: Sergey Zalygin, essays, problematics, science and technology.